

6. Мокшина Е. А. Когнитивная метафора как средство объективации эмоциональных концептов «Traurigkeit» и «Gluck» в немецкой, австрийской и швейцарской современной художественной картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2003. – 22 с.
7. Паршин А. Ю. Эмоции в лингвокогнитивных исследованиях // Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003г.): Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – Т. 1. – С. 64-66.
8. Русско-английский словарь междометий и релятивов / Д. И. Квеселевич, В. П. Сасина. – М.: Русский язык, 1990. – 400 с.
9. Русско-английский фразеологический словарь / Д. И. Квеселевич. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – 705 с.
10. Селігей П. О. Внутрішня форма назв емоцій в українській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. – К., 2001. – 20 с.
11. Степанов Ю. С. Концепт // Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской литературы». – 1997. – С. 43-83.
12. Шамаева Ю. Ю. Когнітивна структура концепту РАДІСТЬ (на матеріалі англійської мови): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Харківськ. нац. ун-т ім. В.Н.Каразіна. – Харків, 2004. – 20 с.
13. Шаховский В. И. О взаимодействии концепций в лингвистике эмоций // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Мат-лы межведомственной научно-теоретической конф. (Харьков-Сочи, 1991). – Харьков: ХИМЭСК, 1991. – Вып. 1. – Ч. 2 – С. 312-314.
14. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгоградск. гос. пед. ун-т, 1990. – С. 29-40.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. The Living Dictionary / Ed. by S.Bullon. – Harlow, England: Pearson Education Limited, 2003. – 1949 p.

Букринская И. А., Кармакова О. Е.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГОВОРОВ¹ (псковские и витебские говоры)

Работа построена на материале экспедиций 2003–2006 гг. в говоры северо-востока Белоруссии, граничащие со Смоленской и Псковской областями России (Городокский и Полоцкий районы Витебской области), а также в говоры южной части Псковской области (Невельский район), которые примыкают к Белоруссии. Задача работы – установить с помощью методов лингвистической географии существование особого диалекта, объединяющего говоры указанных территорий, и описать отдельные лексические явления, свойственные им.

Места обследования были выбраны в результате анализа карт «Диалектологического атласа русского языка» [1], «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» [2] и выпусков атласа «Восточнославянские изоглоссы». Следует заметить, что именно работа над последним показала необходимость и актуальность изучения говоров пограничья, «в которых наблюдается переплетение языковых и диалектных черт, в связи с чем сложившаяся в них лингвистическая ситуация требует специального исследования» [3]. Говоры пограничья, в частности русско-белорусского, привлекали внимание ряда ученых, которые отмечали континуальный характер этого лингвистического пространства, т. е. отсутствие резкого перехода от одной языковой системы к другой, в отличие от русско-украинского пограничья. При этом статус пограничных говоров, их принадлежность к русскому или белорусскому языку по-разному оценивались лингвистами [3; 4].

Во время экспедиций в Белоруссию была записана речь жителей г. Городка – уроженцев окрестных сел и деревень 1920-х-1950-х гг. рождения как малообразованных, так и со средним образованием, кроме того, речь местной интеллигенции (работников общественных учреждений, бывших учителей), которая представляет собой диалектно окрашенный русский литературный язык, сохраняющий отдельные особенности местной фонетики. Сбор подобного материала представляется важным, поскольку литературная речь, содержащая региональные черты, все чаще привлекает внимание лингвистов, становясь самостоятельным объектом изучения. В процессе работы были сделаны записи двух разновидностей диалекта, представленного на территории Городокского района: восточный и западный. Первый продолжает южнопсковские говоры Невельского района, а второй, в целом достаточно близкий ему, имеет некоторые «белорусские» черты.

Носители обследованных говоров считают свой язык русским, хотя иногда добавляют, что он не чистый, а «смешанный», так как в нем есть и белорусские элементы. По замечанию школьных учителей, изучение русского языка дается школьникам гораздо легче, чем изучение белорусского; в частности, местным ученикам незнакома специфическая белорусская лексика.

Во время второй экспедиции был обследован говор деревень Зеленка и Богатырское на северо-востоке Полоцкого района, относящийся, как показали материалы, к западному подтипу изучаемого диалекта. Кроме того, нам удалось побывать в селах, находящихся еще западнее, на самой границе Полоцкого района, и сравнить разные говоры. На основе этого можно заключить, что по мере продвижения на запад и юго-запад, в Задвинье, отмечается нарастание в народно-разговорной речи белорусских черт, в области лексики наличие слов *працуваць* ‘работать’, *будынак* ‘постройка’, *ўспадаўства* ‘хозяйство’, *вясьце* ‘свадьба’ и др. (записи сделаны в д. Шпаковщина Полоцкого района). И самосознание населения здесь иное: жители осознают себя белорусами, хотя тоже признают свой язык «смешанным».

В третьей экспедиции исследовались говоры нескольких деревень Невельского района Псковской области: Усть-Долыссы (22 км на север от Невеля в сторону Пскова), Иваново (7 км на северо-восток от Невеля) и Лобо↔к (18 км на юг от Невеля на границе с Белоруссией). Помимо этого была записана речь местной интеллигенции, которая представляет собой русский литературный язык, регионально окрашенный: в ней сохраняется фрикативный [γ], элементы диссимилятивного аканья и яканья, отсутствуют шепелявые звуки [с’] и [з’], но по сравнению с речью интеллигенции Витебской области здесь меньше диалектной специфики.

Характеризуя эти говоры в целом, можно утверждать: они представляют тот же диалект, что и говоры северо-восточной части Городокского района. Но если рассматривать отдельные явления, то видны различия, заключающиеся в том, что по мере удаления от границы с Белоруссией появляются лингвистические и этнографические черты, сближающие эти говоры с центральными псковскими: окончание *-а* в им.п. мн.ч. *домаў*, *городаў*, нарастание форм с сильным яканьем в отличие от диссимилятивного, наличие лексемы *хороўмы* в значении ‘хорошая постройка’.

Ряд изоглосс, проходящих примерно по Западной Двине, выделяет говоры Полоцкого и Городокского р-на в особый диалект, в котором обнаруживаются яркие севернорусские и северо-западнорусские черты, более нигде не встречающиеся на территории Белоруссии, а на территории южнорусского наречия – только в южнопсковских и северносмоленских говорах. Двина является также границей, севернее которой не заходят изоглоссы ряда типично белорусских явлений или явлений, свойственных южной части северо-восточного диалекта белорусского языка. Таким образом, можно считать, что именно по комплексу языковых признаков говоры Невельского и Себежского районов Псковской области, а также часть говоров Велижского района Смоленской области составляют с говорами Городокского и части Полоцкого р-на Витебской области единое лингвистическое пространство, которое мы назвали городокско-невельским диалектом.

Своеобразие северных витебских говоров по сравнению с другими белорусскими показано на карте № 45 «Езярышчанска-Ульска-Лёзненскі пучок» [5]. Основные черты, характеризующие этот пучок: диссимилятивное яканье витебского типа в отличие от белорусского яканья, распространение слов *кросіны* ‘приспособление для переноски сена или соломы’ (в отличие от *рэззіны* на прочей территории), *жбанок* ‘глиняная посуда для молока’, *згароўда* ‘забор из жердей’.

Ниже подробно рассмотрим те лексические явления, которые свойственны изучаемому диалекту и сравним их с чертами окружающих их говоров русского языка. Общезападные лексические изоглоссы охватывают псковские, смоленские, частично брянские говоры. К ним относятся: распространение лексемы *толока* в значении ‘коллективная помощь в сельской работе’, дериваты от глагола *праць*: *праўльняк*, *праўнік*, *праўнік*, *праўнік* в значении ‘орудие для выколачивания белья при стирке’ (в изучаемых говорах отмечен *прайнік* – вероятно, из *праўнік*, что связано с фонетическими особенностями произношения л), лексема *суўрядка* со значением ‘вечерние собрания молодежи с работой’, обычно ее упоминание сопровождалось уточнением информантов «устраивались раньше». Ареал охватывает псковские говоры, западную часть новгородских и смоленских, отчасти брянские; по материалам словарей, лексема известна и в диалектах Белоруссии, но на картах ДАБМ не представлена, поэтому говорить определенно о ее локализации затруднительно. Примерно на той же территории, но не компактным ареалом, а отдельными прерывистыми, островными ареалами распространена лексема *мост* ‘пол’, имеет продолжение в восточных белорусских говорах [2, карта 336].

Помимо общих лексических явлений существуют и такие, часть из которых объединяют изучаемый диалект со смоленскими, а часть с псковскими говорами.

Черты, объединяющие смоленские и городокско-невельские говоры: распространение лексем *бич*, *цеп* ‘орудие для ручной молотыбы’ (в псковских *привязь*), *виўлы*, *виўлы* ‘ухват’ (в псковских *ухват*), *деўска* ‘посуда для теста’ (в псковских *квашня*), *дуўже* ‘очень’ (в псковских *горазд*), *моўква* ‘морковь’ (в псковских *боркаў*), *бураўк* ‘свекла’ (в псковских *свекла*), глагол *ховаўць* ‘прятать’ (в псковских *прятать*), наличие лексем *лаўнина*, *лаўник* ‘заплата’ (в псковских *заплата*), глагола *лаўнить* ‘чинить одежду, ставя заплату’; семантические различия: употребление лексемы *жиўто* в значении ‘рожь’ (в псковских ‘ячмень’), *ляўда* ‘росчисть под пашню’ (в псковских употребляется *лядиўна* ‘лес’).

Как видно из перечня признаков, это в основном черты, общие для всей юго-западной зоны или для южного наречия в целом. Все они имеют продолжение в Белоруссии, охватывая северо-восточные и восточные говоры.

Прежде чем перейти к рассмотрению лексических явлений, которые объединяют городокско-невельский диалект с псковским ареалом, заметим, что многие из слов встречаются в речи только старшего поколения, причем большей частью в пассивном словаре, некоторые из них сопровождаются замечанием информантов «употребляли раньше». Перечислим их: распространение глаголов *голосіўць* ‘причитать по покойнику’ (в смоленских – *выць*), *тягаўць* ‘убирать лен с поля’, сосуществует с *брать*, *рвать* (в смоленских – *брать*, в блр. – *брать*, *рвать*); слова *стоўка*, *стояўка* ‘малая укладка снопов’, сосуществуют с названием *баўбка* (в смоленских и белорусских – *баўбка*), *оўзимь* ‘всходы зерновых культур’ (в смоленских – *зелень*, в белорусских – *рунь*), *каўлика* ‘брюква’, сосуществует с названием *грыўжа* (в смоленских и белорусских – *грыўжа*, *бруўква*), наличие глагола *орать* в значении ‘возделывать землю’ (в смоленских отмечено единично), с ним сосуществует глагол *пахаўць*, который помимо указанного выше значения, связанного с процессом обработки земли, имеет и другое – ‘выращивать какую-либо сельскохозяйственную культуру’, а также ‘мести (пол, двор), сметать (пыль)’ (в смоленских последнее не отмечено).

Теперь остановимся на отдельных лексических явлениях, представленных в городокско-невельском диалекте. Для участка земли, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, сад, огород, отмечено название *печиўна*, которое зафиксировано в рассматриваемых говорах наряду с наименованиями *усаўба*, *селиўба*, *селиўба*. Как показал опрос, оно входит в пассивный словарь, причем людей старшего поколения. Надо заметить, что по материалам ДАРЯ это слово образует компактный ареал в говорах Псковской области, точнее междуречья верхнего течения Великой и Зап. Двины, однако не достигая границы с Белоруссией [6, с. 144-146].

Название вязаных рукавиц с одним пальцем *испоўки* имеет ареал, схожий с вышеуказанным, однако спускающийся южнее, захватывая территорию как Невельского, так и Велижского районов. Он продолжается в северо-восточном диалекте белорусского языка [2, карта 333]. Изоглосса лексемы *жбанок* ‘название глиняной посуды для молока’ на севере проходит по линии Опочка – Торопец – Андреаполь, на юге достигает Велижа и Духовщины, на западе – в Белоруссии – входит в Езеришанско-Лезненский пучок изоглосс. Следует заметить, что именно на этой территории у существительных жен. рода а-склонения отмечается такое морфологическое явление как «обратное распределение»: Р. п. *без водеў*, Д.п. *к водыў*, П.п. *на водыў*. Территорию городокско-невельского диалекта наиболее точно очерчивает пучок следующих изоглосс: распространение слов *прайнік* (ареал походит на ареал номинации жбанок; вариант *праўнік* зафиксирован в псковских говорах, *праннік*, *пранік* – в белорусских и смоленских), *жбанок*,

обичёвка 'бьющая часть цепа', чепельни *Ўк* 'приспособление, с помощью которого берут сковороду'. Последнее наименование интересно тем, что является однокоренным с названием, известным в смоленских говорах – чепела *Ў*, а суффикс –*ник* такой же, как у номинации этой реалии в псковских говорах: сковоро *Ў* дник.

Далее перечислим лексемы, отмеченные в изучаемых говорах, однако в большинстве случаев не представленные на картах ДАРЯ: *агре Ўт* 'крыжовник', *боя Ўрки* 'подруги невесты', *брате Ўник* 'двоюродный брат', *бры Ўксы* 'застолье в складчину, гулянье', *бурак* 'печь для отопления, без плиты, типа голландки' *вечерять* 'ужинать', *вздо Ўеть* 'смочь', *военицина* 'военное производство', *во Ўна* 'овечья шерсть' (в пассивном запасе людей старшего поколения), *ґрибы* 'губы' (*ну что ты ґрибы надул*, *ґриба Ўтенький* 'губастый', *ґруд* 'костер', *ґу Ўи* 'гулянья', *дети Ўниха* 'курица с цыплятами', *дика Ўрь* 'дикое место', *живи Ўца* 'смола', *журави Ўна* 'клюква', *жури Ўка* 'кисель', *зы Ўбка* 'колыбель, которая подвешивается к потолку' и *лю Ўлька* 'кровать-качалка', *ки Ўнуть* 'оставить', *кор Ўмисел* 'кормысло, долбленное из дерева, имеющее выемку для шеи; на прямых концах крючки из гвоздей', *клу Ўьки* 'экспрес. вещички', *колоту Ўка* 'каша из гороховой муки', *комы Ў* 'поминальное блюдо из муки с салом внутри', *костёр* 'поленица', 'сложенные «колодцем» дрова', *кут* 'красный угол', *лоза Ў* 'кора от ивы', *лубя Ўнка* 'высокая корзина из лозы для лука, *лусточка хлеба* 'ломоть, срезок хлеба' (от *луцить*), *ма Ўец* 'мужчина', 'молодой парень, подросток', *моги Ўлки* 'кладбище' (устар. вытеснено общерусским 'кладбище'), *мураши* ⇔ 'черные муравьи', *сикля Ўки* 'рыжие муравьи', *снедать* 'обедать', *найти Ў* *найти Ўь* 'родить', 'родиться' (*у деўках нашла* 'родила в девках – без мужа'), *нечи Ўтики* (употребляется как ругательство), *недо Ўрики* 'бесы, злые духи', *ни Ўва* 'поле', *оба Ўьки* 'опята', у других информантов 'подберезовики', *одо Ўюк* 'стог сена', *оттра Ўвки* 'провода в армию', *паша Ўть* 'жечь', *пасха* 'кулич', *пожи Ўки* 'конец жатвы', *по Ўел* 'пепел, зола', *поре Ўка* 'красная смородина', *прочиня Ўться* 'проснуться', *полевка* 'тип супа: жидкая кислая похлебка из муки на закваске (*раци Ўне*)', *по Ўрины* 'обувь из кожи', *пя Ўточка* ('горсть'), *разводье* 'половодье', *разжени Ўха* 'разведенный человек', *расши Ўна* 'закваска', *ре Ўтуньки* – *межд.*, выражающее удивление, ужас, *са Ўжелка* 'выкопаный пруд', *сестру Ўика* 'двоюродная сестра', *скори Ўючка хлеба* ('краюшка'), *соче Ўнь* 'лепешка', *стега* 'тропинка', *сы Ўница* 'творожная запеканка', *сырокваша* 'простокваша', *тусо Ўк* 'коробка из картона или бересты', *хмара* 'пасмурная погода', *чу Ўи* 'вид обуви типа тапочек из лозы или льняных ниток. Многие из этих слов, например *ґруд* 'костер', *ґрибы* 'губы', *комы*, *могилики* 'кладбище' и др. имеют общезападную локализацию.

Интерес представляет и живой паремиологический материал, собранный в говоре: *Солону ешь, а фасон держи. Холера тебя раздери. Как я тебя люблю, как собака палку. Два друга: метель да вывоза. Псковичьяне те же англичьяне, только нарецье другое. Не радуйся чужому горю – своё рядом. На своем пепелище и курица разумна. Костер горить – керосин не лить. Дом на разбег коню* (большой). *И сме Ўино и гре Ўино* и т.д.

Информанты сохранили воспоминания об обрядах и обычаях, бытовавших в их местности. Большую степень сохранности имеют обряды, связанные со скотом, бытуют рассказы о нечистой силе, былички про ведьм, русалок, порчу, а также сохранились фрагменты свадебного обряда.

Выводы. Лингвогеографический анализ городокско-невельского диалекта показывает несовпадение лингвистических и государственных границ; изучаемые пограничные говоры обладают целым комплексом общезападных черт, которые объединяют псковские, смоленские, частично брянские, витебские, могилевские говоры. В то же время в них отмечается уникальный набор, с одной стороны, северо-западных (псковских), а с другой – юго-западных (смоленских) лексических признаков, при этом они характеризуются и наличием свойственным только им лексических изоглос: *чепельник*, *жбанок*, *бич*, *обичевка*, *прайник*. Сравнение лексического материала с фонетическим и морфологическим показывает, что первоначально данный диалект скорее всего относился к южнопсковскому ареалу, а черты, связывающие его со смоленскими говорами, появились позднее. Это подтверждается и сохранением у старшего поколения языковых явлений, характерных для псковских говоров.

По историческим данным, Невельская волость входила в состав Торопецкого княжества в XII-XV вв.; с середины XVI в. до 1772 г. Невель был в составе Польши (временами и ненадолго возвращаясь к России). С 1772 Невель – уездный город Полоцкой, а с 1802 г. Витебской губернии. Черты, свойственные юго-западной зоне южнорусского наречия, восточным витебским и могилевским говорам, по-видимому, являются в этом диалекте более поздними по сравнению с «псковскими» и, очевидно, усвоены им в период вхождения витебских, полоцких, смоленских земель в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой

По структурно-типологической классификации [7] рассматриваемые говоры характеризуются как совокупность однородных говоров западнорусского диалектного типа, не относящаяся ни к его северному, ни к южному подтипам, что и подтверждают перечисленные выше лексические признаки.

Литература

1. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части РСФСР. Вып. I. Фонетика. – М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Лексика. Ч. 1. – М., 1997; Ч. 2. Синтаксис. Лексика. – М., 2004.
2. Дзялекталогічны атлас беларускай мовы. – Мінск, 1963.
3. Попова Т. В. «Восточнославянские изоглоссы». Некоторые итоги работы над темой. Русский язык в научном освещении. – М., 2007. – № 1.
4. Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением «Очерка русской диалектологии». – М., 1915.
5. Орлова В. Г. О «переходных» говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М., 1972.
6. Лінгвістычная геаграфія і групка беларускіх гаворак. – Мінск, 1969.
7. Мораховская О. Н. Крестьянский двор. История названия усадебных участков. – М., 1996.
8. Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров. – М., 1996.

Примечания

¹ Работа написана в рамках программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Язык и традиционная культура русского крестьянства» ИРЯ РАН.